

Р 149
Л 152

Библиотека „Русской Мысли“.

14975 х.

ТИХОТВОРЕНІЯ.

— ❁ —
В. Н. Ладыженскаго.

— ❁ —
МОСКВА.

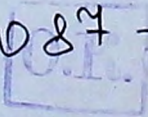
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №,
Пименовская улица, соб. домъ.

1896.

175

Иди на Вену

И - 7087 - ред

~~by the~~

A 15.

~~Handwritten scribble~~

Handwritten mark resembling a 'U' or 'L'

Содерж. Всеволодовича Митрофановича и др.

Библиотека „Русской Мысли“.

на память о предшественнике своем авторе

X.

В. Ладвинецкому

P 1 27
1158

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Пензе

25 севр 92.

В. Н. Ладвинецкому

НАРОДНАЯ
Библиотека - Чувальни
ИМЕНИ
Л. П. ВОЛДИСКОГО

70 87 дуп

70 FEB 2009

Пенз. Общ. б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1896.

Дозволено цензурою. Москва, 31 іюля 1896 г.

2001 г.

4084 ред.

Пенз областная
Библ. ТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова

БИБЛИОТЕКА
НАРОДНАЯ
Библиотека - Умань
Умань

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр

1. Поэтамъ будущаго	7
2. Смѣняясь быстрой чередой	8
3. Блаженъ, кто съ вѣрою святою	—
4. Затерявшійся крикъ	9
5. Холодной осени суровые порывы	10
6. Греза	11
7. На новый годъ	12
8. Утесъ	13
9. На мѣстахъ душистыхъ розъ	—
10. Хлѣба и зрѣлищъ	14
11. Изъ библіи	15
12. Дананды	17
13. Я собралъ свои пѣсни	—
14. Отъ шума города я радостно бѣжалъ	18
15. Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ	19
16. Я знаю, дитя, ты не любишь меня	20
17. Мнѣ говорятъ, долой мечты	—
18. Печаль моя растеть	21

19. Лишь только догоритъ вечерняя заря	22
20. Я помню дни: я погибаль	23
21. Изъ неотосланнаго письма	24
22. Пѣвицѣ	27
23. Когда, пробившись изъ-за тучь	—
24. Тихо ночка темнокрылая	28
25. Память ребенка	29
26. Всеволоду Ф—ку	30
27. Ронсевальскій бой	31
28. Новгородскій пиръ	33
29. На родинѣ	34
30. Ребенкомъ помню я себя въ деревнѣ	36
31. Нянь	37
32. Вчера былъ хмурый день	39
33. Молитва	40
34. При огонькѣ	41
35. Затишье, ни звука	42
36. Сумерки	43
37. Нишій	44
39. Гроза	45
39. На могилѣ Лермонтова	46
40. Умирающій пѣвецъ	48
41. Облака	49
42. Народной учительницѣ	50
43. Богатство, знаете ль, его я не хочу	51
44. Когда зимой въ степи безбрежной	52

	<i>Стр.</i>
45. Христось воскресъ	53
46. Отрывки изъ дневника	54
47. Изъ Фр. Коппе	61
48. Ты знаешь, я, Творецъ, безсиленъ предъ тобой	62
49. Элегія (изъ В. Гюго)	63
50. Предразсвѣтная пѣснь	64
51. Изъ Байрона	65
52. Изъ В. Гюго	66
53. Сонъ (изъ Гейне)	67
54. Венеры (изъ С. Прюдома)	73
55. Сонетъ (изъ А. Мюссэ)	74
56. Я ихъ не зналъ, мгновеній свѣтлыхъ счастья.	75

Поэтамъ будущаго.

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Поэты мощные грядущихъ поколѣній,
Вамъ пѣсни лучшія назначены судьбой,
И яркимъ пламенемъ великихъ вдохновеній
Разсѣете вы мракъ надъ міромъ вѣковой.

Тогда уже давно холодною могилой
Мы будемъ взяты всѣ, и пѣсенъ нашихъ звукъ
Замретъ предъ пѣснею, исполненною силой,—
Предъ пѣснею, гдѣ нѣтъ страданія и мукъ.

Но вспомните тогда, что гимны мы слагали
И пѣли о любви, и пѣли о цвѣтахъ
Подъ стукъ оружія, подъ тяжкій стонъ печали,
Чтобъ пробудить любовь въ озлобленныхъ сердцахъ.

И вспомните тогда вы нашихъ пѣснопѣій
Тоской подсказанный, рыданій полный звукъ,—
Поэты мощные грядущихъ поколѣній
И пѣсенъ, сложенныхъ безъ горя и безъ мукъ.

Смѣняясь быстрой чередой,
Проходятъ дни, проходятъ годы,
И жаль мнѣ жизни молодой,
Какъ заключенному свободы.

А жизнь не ждетъ. За ней толпой
Бѣгутъ вопросы безъ отвѣта:
Ужели пѣснь твоя пропѣта
И конченъ путь твой трудовой?

Подъ гнетомъ пошлости пустой
Замрутъ ли робкіе напѣвы,
Какъ чахнуть раннею весной
Едва всходящіе посѣвы?...

Блаженъ, кто съ вѣрою святою
Могъ къ цѣли доблестной идти,
Кто непогодой и грозою
Задержанъ не былъ на пути.

Блаженъ, кому дана судьбою
Отвага мощнаго бойца:

Прекрасенъ лавръ, рукой родною
Вплетенный въ тернъ его вѣнца.

Но не кори, страна родная,
И тѣхъ, кто палъ на полпути,
И ихъ, какъ мать благословляя,
За ихъ любовь къ тебѣ—прости.

Затерявшійся крикъ.

(Изъ Сюлли Прюдома.)

Изъ тьмы неоглядной прошедшихъ вѣковъ
Мнѣ чудится образъ порою,
Онъ молодъ и блѣденъ, и взоръ такъ суровъ,—
Стоитъ онъ съ рабочей толпою.

Ихъ солнце Египта нещадно палить,
Какъ смерть, безотрадн ихъ доля:
Собрала на гибель имъ тяжкій гранить
Хеопса могучая воля.

Но онъ, этотъ юноша,—блѣденъ и слабъ,—
Не вынесъ труда рокового,
И съ крикомъ склонился измученный рабъ
На глыбы гранита нѣмого;

Склонился, но снова подняться не могъ,
А крикъ тотъ сквозь волны ээира
Къ звѣздамъ, гдѣ читаетъ сѣдой астрологъ
Судьбы развращеннаго міра

Понесся, рыдая... И ищетъ боговъ,
И ищетъ онъ правды далекой...
Но въ царственной славѣ спитъ тридцать вѣковъ
Хеопсъ въ пирамидѣ высокой.

* *
*

(Виктору Александровичу Гольцеву).

Холодной осени суровые порывы
Сорвали прочь съ лѣсовъ таинственный уборъ;
Безъ грусти о быломъ, угрюмы, молчаливы,
Покорно приняли они свой приговоръ.

И только дубъ одинъ листвою пожелтѣлой
Задумчиво шумитъ о чудныхъ дняхъ весны,
Какъ будто отклика въ природѣ омертвѣлой
Онъ ждетъ опять себѣ на радужные сны.

И только онъ одинъ въ толпѣ своихъ собратій,
Тоскуя о быломъ, не можетъ позабыть

Небесной синевы трепещущихъ объятій
И ласокъ полудня не въ силахъ разлюбить.

Такъ сердце вѣщее подъ жизненной грозою
И лицемѣрія и злобной клеветы—

Все не смиряется предъ тяжкою судьбою
И все еще хранить завѣтныя мечты.

И пусть кругомъ толпа, покорная невзгодѣ,
Въ тупомъ отчаяннѣ уныло дни влачить,—
Въ немъ живъ еще призывъ и къ счастью, и къ
свободѣ

И яркимъ свѣточемъ любовь еще горить.

Г р е з а .

Когда, утомясь отъ дневной суеты,
Отъ звона цѣпей и отъ оргій разврата,
Въ безсильномъ сознаннѣ своей нищеты
Земля засыпаетъ, дремотой объята,
И тихо идетъ къ ней желанная ночь
Въ вѣнцѣ изъ созвѣздій, съ улыбкой привѣта,
Не спать тогда мощной фантазіи дочь—
Печальная греза поэта.

О нѣтъ, если есть въ этотъ мигъ на землѣ
Страдалецъ больной, позабытый любовью,
Она къ нему тихо войдетъ, и во мглѣ,
Тоскуя, приникнетъ къ его изголовью;
Но только-что,—вѣстникъ земной суеты,—
Вдали загорится полоска разсвѣта,
Умчится опять она въ царство мечты—
Въ печальное сердце поэта.

На новый годъ (90).

Нѣтъ, я не радостно встрѣчаю новый годъ:
Онъ жадной смерти кличъ надъ бездною могилы;
Рѣдѣетъ строй бойцовъ. За кѣмъ теперь чередъ?
Падетъ ли юноша въ расцвѣтѣ гордой силы,
Иль лавры старика, добытые въ бою
За правду и любовь, сомнутся безпощадно?
Грядущее сильнѣй томить печаль мою,
И новый годъ идетъ съ тоскою безотрадной.
Какъ радостный напѣвъ въ день грустныхъ по-
хоронъ,
Какъ пира скучнаго тяжелое похмѣлье—
Противень мнѣ задравный кубковъ звонъ
И въ этотъ мигъ людей привычное веселье.

Утесъ.

(Изъ Сюлли Прюдома.)

Разъ двое взошли на утесъ вѣковой
И очи закрыли, и слушали море.
— Ко мнѣ звуки рая несутся волной!
— Я слышу стонъ ада, въ немъ вѣчное горе!

И оба очнулись. Предъ ними шумѣлъ
Сѣдой океанъ, и волна говорила,
Но каждому разную пѣсню онъ пѣлъ,—
Ту пѣсню, что жизнь имъ въ сердцахъ ихъ сло-
жила.

* * *

На лепесткахъ душистыхъ розъ
Алмазы брошены росю,
Такъ въ нашихъ пѣсняхъ капли слезъ
Сверкаютъ, вызваны тоскою.

Алмазы тѣ, склонясь къ цвѣтамъ,
Прогонить лаской лучъ разсвѣта,
Но нѣтъ забвенія слезамъ
Въ душѣ тоскующей поэта.

Хлѣба и зрѣлищъ.

Хлѣба и зрѣлицъ! О цезарь, скорѣй!
Ихъ жажда томить наслажденья.
Пусть кровью рабовъ обагрень Колизей,
Толпа, словно жадная стая звѣрей,
Восторгами встрѣтитъ мученья.
Скорѣй! И прославить ихъ рабскій языкъ
Развратнаго Рима могучихъ владыкъ.

Но палъ дряхлый міръ, захлебнувшись въ крови;
Съ Востока—святого ученья
Примчалось великое слово любви:
Какъ ложны, народъ, были бѣги твои,
Какъ тяжекъ позоръ преступленья!
И циркъ опустѣлъ, гладіаторовъ нѣтъ,
Но въ мірѣ ихъ мѣсто ты занялъ, поэтъ.

По-прежнему хлѣба лишь просить толпа,
Какъ встарь она ждетъ наслажденій,
Смѣшна ей за истину въ мірѣ борьба,
И встрѣтитъ холодной усмѣшкой раба
Она твою скорбь пѣснопѣній,
И броситъ тебѣ твой лавровый вѣнецъ
За смертныя муки, за горькій конецъ.

Изъ Библии.

I.

Внемли, Израиль, средь пустыни
Въ своихъ раскинутыхъ шатрахъ!
Не бойся вражеской гордыни:
Ее развѣю Я какъ прахъ.
Ты былъ рабомъ у фараона,
Твой Я цѣпи расковалъ
И для тебя слова закона
Въ громахъ и молніяхъ сказалъ
Гдѣ конь врага, гдѣ колесница?
Смотри—ихъ нѣтъ, твоихъ враговъ,
Тебя унесъ Я, какъ орлица
Своихъ безпомощныхъ птенцовъ.
Не для тебя-ль изъ скаль Хорива
Живой источникъ побѣждалъ?
И вотъ—душа твоя пуглива,
И вотъ—ты снова возропталъ!
Какъ отъ проказы, отъ порока,
Народъ избранный, берегись,
И слову грозному пророка
Душой мятежной покорись.

II.

Народный кличь, дѣтей молитвы
И старцевъ гордыя хвалы...
Ужель въ пылу кровавой битвы
Склонились римскіе орлы?
Ужель свободна Іудея,
И царь, вождями окружонъ,
Идетъ возсѣсть на праздный тронъ,
Святымъ восторгомъ пламенья?
Но нѣтъ, мечтамъ синедріона
Смѣются римскіе полки:
Онъ нищъ и кротокъ, царь Сіона,
И съ нимъ простые рыбаки.
Греми-жь, хвалебное осанна,
Греми въ сердечной простотѣ:
Рѣшеньемъ злобы и обмана
Онъ будетъ распятъ на крестѣ,
Но и на немъ томясь, страдая,
Онъ будетъ жить въ дали вѣковъ,
И въ міръ, любя и всепрощая,
Умчится слово рыбаковъ.

Д а н а и д ы .

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Склоняясь подъ ношею и отдыха не зная,
Рабыни вѣчнаго, ненужнаго труда,
Идутъ къ бездонной урнѣ дочери Даная,
Но прочь бѣжить, смѣясь, журчащая вода.
Напрасно у небесъ разгнѣванныхъ ихъ взоры
Порою молятъ жалости: года бѣгутъ,
А казни нѣта конца, и тяжкія амфоры
Ихъ плечи нѣжныя мучительно гнетутъ.
Когда же, утомясь отъ вѣчнаго страданья,
Слабѣютъ силы ихъ, одна изъ нихъ поетъ,
И пѣснь ея звучить имъ гимномъ упованья,
Но къ мукамъ снова ихъ недремлющимъ зоветъ.
Не такъ ли и людей ихъ радостныя грезы
Надежда робкая и будить и живить;
Пусть падаютъ мечты среди житейской прозы —
Для новыхъ мукъ и слезъ она ихъ воскресить.

* * *

Я собралъ свои пѣсни съ весеннихъ цвѣтовъ,
Я подслушалъ ихъ въ роцѣ тѣнистой,

Подъ задумчивый шелестъ могучихъ дубовъ,
Я сложилъ ихъ средь ночи душистой,
И послалъ я ихъ людямъ — въ ихъ горестный
міръ,

Міръ обмана, цѣпей и разврата,
Гдѣ нажива царить, какъ священный кумиръ,
Торжествуя надъ гибелью брата.
И растоптаны пѣсни мои... И въ пыли
Я собралъ ихъ, сгорая любовью,
Но торжественнымъ гимномъ звучать не могли
Эти пѣсни, омытыя кровью!
И принесъ я ихъ милой. Но грустно она
Своей умной головкой качала,
И въ тѣхъ пѣсняхъ, что мнѣ подсказала весна,
Пѣсенъ страсти она не узнала.

* *
*

Отъ шума города я радостно бѣжалъ
Къ степямъ роднымъ, какъ узникъ изъ темницы,
Покоя я молилъ, забвенья я искалъ...
И замеръ гуль покинутой столицы.
И снова предо мной синѣющая даль,

Лазурь небесъ, просторъ ихъ безграничный,
Но въ душу крадется знакомая печаль,
Какъ старый другъ, какъ гость привычный.
И шепчетъ мнѣ она: не вѣрь, просторъ полей
Не дастъ тебѣ желаннаго забвенья,
Любовь безумная давно въ душѣ твоей
Зажгла тоску,—и нѣтъ ей исцѣленья!
На муки обречень, свой жалкій приговоръ
Съ собою ты принеси къ степямъ отчизны,—
Вотъ отчего тебѣ тяжель ея просторъ,
Какъ слово горькой укоризны.

* *
*

Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ,
Радостныхъ дней не сули,
Въ сердцѣ бывлыя надежды
Раннія грозы сожгли.

Спятъ онѣ тамъ, какъ въ могилѣ,
И не пробудятся вновь:
Что пощадила въ нихъ злоба,—
Все доконала любовь.

Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ,
Лжетъ мнѣ искусство твое,
Жизнь безъ пріюта и ласки—
Горькое счастье мое!

* *
*

Я знаю, дитя, ты не любишь меня,
Не мнѣ улыбнутся тѣ глазки,
Что, къ свѣтлому празднику счастья маня,
Сулятъ безконечныя ласки.

Въ житейской борьбѣ, какъ всегда одинокъ,
Растрочу я гордыя силы,
И сердце мнѣ шепчетъ, что путь недалекъ
До жадно зовущей могилы.

Я знаю, дитя, ты не любишь меня,
И счастья отъ жизни не жду я;
Зачѣмъ же забыть не могу я тебя,
Зачѣмъ же тебя такъ люблю я?..

* *
*

Мнѣ говорятъ, долой мечты,—
Онѣ, какъ призраки, обманутъ;

Больной фантазиі цвѣты
Не расцвѣтутъ и ужъ завянутъ.

Мнѣ говорятъ: лишь только тотъ
Достоинъ ласки и участья,
Кто міръ за вражій станъ сочтетъ
И какъ добычу — вырветъ счастье.

Я внемлю скорбной имъ душой,
И міръ мнѣ кажется пустыней;
Такъ жрецъ стоитъ въ тоскѣ святой
Передъ поруганной святыней.

* *
*

Печаль моя растеть, какъ волны въ часъ при-
лива,

Безумно вновь минувшаго мнѣ жаль.
И свѣтлая мечта уносится пугливо
Куда-то прочь, въ невѣдомую даль.

Такъ пусть же, милая, твой голосъ серебристый
Мнѣ повторитъ еще, что любишь ты, —
И путь мой, путь, давно унылый и тернистый,
Усѣютъ вновь весенніе цвѣты,

Лишь зашепчи опять по-дѣтски торопливо
Ты ласки мнѣ,—и отъ волшебныхъ словъ
Печаль моя бѣжитъ, какъ волны въ часъ отлига
Отъ недоступныхъ береговъ.

* *
*

Лишь только догоритъ вечерняя заря,
И мѣсяцъ, пробудясь за дальнею горою,
Зальетъ сіяніемъ безбрежныхъ поля,
И сумракъ побѣжитъ трепещущей волною,—
Отъ жалкой суеты и отъ заботъ дневныхъ,
Я въ поле ухожу тропинкою знакомой:
Здѣсь не смутитъ ничто завѣтныхъ думъ моихъ,
И встрѣтитъ ночь меня и лаской, и истомой.
А утомясь бродить, люблю въ тѣни вѣтвей
Прилечь и отдохнуть у роици молчаливой.
Часовня старая стоитъ тамъ, и подъ ней
Забывшій ключъ шумитъ волною говорливой,
И слышно, какъ въ лугахъ кричатъ коростели
За рѣчкой, гдѣ туманъ серебряный клубится...
Душа отзывчивѣй въ часъ отдыха земли:
Какъ въ дѣтствѣ я бы могъ заплакать и молиться.

И я молюсь тогда. Тоскуя и любя,
Я у небесъ прошу въ словахъ святой молитвы
Не долгихъ, тихихъ дней, не счастья для себя—
Бойца, уставшаго въ пылу житейской битвы,—
За душу чистую молюсь я въ этотъ мигъ,
Чья жизнь не тронута позорной клеветою,
Кого, какъ въ праздникъ, мѣръ, — прекрасенъ и
великъ,—
Зоветь обманчивой, нарядной пестротою.
Что ждетъ ее? Какъ знать! Но тщетно я порой
Такъ страстно у судьбы молю себѣ отвѣта.
Судьба не выдастъ тайнъ, — какъ сумракъ за
рѣкой,
Исполненный безмолвнаго привѣта.

Я помню дни: я погибалъ,
Но въ сердцѣ, сумракомъ одѣтомъ,
Твой голосъ милый прозвучалъ
Случайнымъ, можетъ быть, привѣтомъ.
И я люблю тебя съ тѣхъ поръ...
Люблю восторженныя рѣчи,
Люблю задумчивый твой взоръ,

И въ каждый мигъ короткой встрѣчи
Моя пугливая мечта
Въ волшебный край меня уносить,
И ласки рвутся на уста,
И сердце снова счастья просить.
Какъ будто можетъ вспыхнуть вновь
Заря погасшаго разсвѣта,
Иль замѣнить твою любовь—
Слова случайнаго привѣта.

Изъ не отосланнаго письма.

...Зачѣмъ я вамъ пишу? Не правда ли, смѣшно
Будить мечты, которымъ нѣтъ возврата?
Но ночь томить меня, стучась въ мое окно;
Такъ холодомъ душа моя объята,
Что вы простите мнѣ желанье поболтать
Хоть издали съ давно забытымъ другомъ...
Не бойтесь, о любви не стану я рыдать,
Не ждите-жъ слезъ съ презрительнымъ испугомъ!
Любовь свободная,—безъ рабства и цѣпей,
Гдѣ нищихъ нѣтъ и, значить, подаяній,—
Какъ сонъ, вы помните, жила въ душѣ моей,

И свѣтлый рой моихъ воспоминаній
Не долженъ васъ смутить. Я помню кроткій взоръ,
Вашъ милый взоръ, гдѣ я читалъ участие,
Да ласково тогда звучавшій мнѣ укоръ
За то, что я не могъ повѣрить въ счастье.
Вѣдь вы не сердитесь? Не правда ли, смѣшно
Встрѣчать теперь холодною улыбкой
Что въ нѣдрахъ прошлаго безъ слезъ погребено,
Что, можетъ быть, признали вы ошибкой?
Мнѣ просто хочется сказать вамъ, что всегда,
Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанья
Зовутъ меня къ труду, какъ путника звѣзда
Зоветь опять на долгій путь скитанья,
И хочется сказать спасибо вамъ за все:
За счастья мигъ, блеснувшій предо мною,
За этотъ краткій мигъ, сознаніе мое
Зажегшій вновь надеждою святою.
За это прошлое—еще спасибо вамъ...
Я вамъ пишу, и сердцу легче стало,
И мысль моя летитъ къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ, вѣроятно, вы—царицей бала.

И кстати ночь прошла. Надъ дремлющимъ
селомъ

Разсвѣтъ встаетъ чуть видной полосою,
И тѣни по степи расходятся кругомъ
Какой-то странной синевою.

Еще мгновеніе—и яркій блескъ лучей
Зальетъ снѣга, алмазами усѣтетъ,
И ночи скучный мракъ, и боль въ душѣ моей
На цѣлый день властительно развѣтетъ...

И онъ пришелъ ко мнѣ, желанный мой разсвѣтъ!
Мнѣ стыдно, что рука моя солгала:
Я знаю, безъ тебя мнѣ въ мірѣ счастья нѣтъ,
Мнѣ въ эту ночь лишь гордость диктовала
Слова намѣренно-небрежнаго письма,
И я имъ самъ не вѣрилъ ни мгновенья:
Жизнь безъ тебя пуста, какъ мрачная тюрьма,
Гдѣ каждый новый день—звено мученья...
Жить только для тебя, и жить тобой одной,
Дѣлиться всѣмъ, что жизнь бы намъ послала,
И вмѣстѣ-бъ пошутить надъ ревностью-змѣей,
Которая мнѣ душу истерзала!
Прости мнѣ, милая, я дольше лгать не могъ:
Мнѣ въ эту ночь такъ тягостно и больно,
Что тщетно я борюсь съ собой, и—видитъ Богъ—
Признанье вырвалось неволью.

Пѣвицѣ.

Она пѣла, и чудные звуки
Къ небесамъ уносились волной—
Разсказать про страданья и муки,
Про тоску этой жизни земной.

Но къ тѣмъ звукамъ любовью сгорал,
Не хотѣлъ и не могъ я понять,
Что они изъ далекаго рая
Не вернутся на землю опять.

Что, какъ блескъ отдаленной зарницы,
Будутъ звуки тѣ жить въ небесахъ,
Да въ тоскующемъ сердцѣ пѣвицы,
Да въ безумныхъ поэта мечтахъ.

* *

Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Въ осенній день, ненастья полный,
Освѣтитъ ярко солнца лучъ
Лѣсъ обнаженный и безмолвный,—
Онъ снова, кажется, живетъ,
Дождемъ омытый, какъ слезами,

И ждешь, что птица запоетъ,
И ждешь, что встрѣтишься съ цвѣтами.
Но быстро гаснетъ блескъ лучей,
Мгновенный блескъ, манившій счастьемъ,
И лѣсъ угрюмѣй и мрачнѣй
Стойтъ, окутанный ненастьемъ.
Такъ и въ душѣ моей больной
Твой голосъ—ласковый и нѣжный—
Звучалъ и счастьемъ, и весной,
И звалъ меня въ мѣръ грезъ безбрежный.
Онъ отзвучалъ. Сильнѣй печаль
Томитъ меня, какъ мракъ ненастья,
И грезъ несбывшихся мнѣ жаль,
И жалко призрачнаго счастья.

* *
*

Тихо ночка темнокрылая
Пролетаетъ надъ землей,
Гдѣ-то льется пѣснь унылая,
Омраченная слезой.

Подожди, пѣвецъ тоскующій:
Ночка темная пройдетъ

И, воскреснувъ, день ликующей
Людямъ счастье принесетъ.

Отдохнетъ земля усталая,
Околдованная сномъ,
И заблещетъ зорька алая
Въ небѣ ясно-голубомъ.

Памяти ребенка

Едва, бывало, солнце встанетъ
И изъ-за рощи молодой
Горячій лучъ его проглянетъ
И затрепещетъ надъ водой;
Едва порывомъ жаркой ласки
Онъ тронетъ сонные цвѣты,—
Смѣясь и протирая глазки,
Въ мой садикъ выбѣгала ты.
И пробуждался садикъ дикій,
Весь въ блескъ утреннихъ лучей,
Предъ жрицей маленькой своей
Въ простомъ вѣнкѣ изъ павилики...
Но смяты осенью ненастной
Давно въ саду моемъ цвѣты,

И ты ушла, мой гость прекрасный,
И не вернешься больше ты.
Тамъ, гдѣ на сѣверѣ, рыдая,
Метель холодная шумить,
Твою могилу ангелъ рая—
Печальный ангелъ—сторожить.

Всеволоду Ф—ку.

Спать пора. Шалилъ ты много...
Поцѣлуй еще меня,
И съ тобой заснетъ тревога
Угасающаго дня.

* *
*

Всѣ заснуть. Твоя лошадка
Деревянная заснетъ...
Въ спальнѣ свѣтится лампадка;
Въ спальнѣ бабушка насъ ждетъ.

* *
*

Ты усталъ. Семья родная
Будетъ сонъ твой сторожить,
Будетъ бабушка сѣдая
Внуку сказку говорить.

* *

А когда съ лучемъ разсвѣта
Прибѣжишь ко мнѣ ты вновь,
Лепеть дѣтскаго привѣта
Встрѣтить ласку и любовь.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О РОЛАНДѢ.

Ронсевальскій бой.

Трубить въ Ронсевалѣ въ свой рогъ золотой
Въ отчаянныя рыцаря могучій...
Откликнулись громомъ и лѣсъ вѣковой,
И горъ отдаленныя кручи.

Нахлынули Мавры, какъ горный потокъ,
Прорвавшій внезапно стремнины,
И въ битвѣ неравной Роландъ изнемогъ
Среди Ронсевальской долины.

* *

Зоветь онъ на помощь. И слышитъ съ тоской
Властитель призывные звуки,
Узналъ онъ Роландъ, и твой рогъ золотой,
И сердца тревожныя муки.

* * *

Толпою вассаловъ своихъ окружень,
Спѣшитъ онъ къ тебѣ издалуча;
Но смертный царить надъ долиною сонъ,
И смолкла кровавая сѣча.

* * *

Средь труповъ безмолвныхъ, разбитыхъ мечей
Стоитъ императоръ угрюмый, —
Стоитъ съ безотрадной тоскою своей,
Съ своею тяжелою думой.

* * *

И молвить властитель: Роландъ дорогой!
Спи мирно въ печальной долинѣ,
Тебѣ — всепрощенье и вѣчный покой
И слава — почившей дружинѣ!

* * *

Вы будете жить въ вдохновеньи пѣвцовъ,
Вась пѣсня обниметь лаская,
И встануть безмолвныя тѣни бойцовъ
На стражѣ родимаго края.

Новгородскій пирь.

(Легенда.)

Сіяеть огнями посадницы домъ,
Гуторятъ веселыя рѣчи
Бояре за кубками съ фряжскимъ виномъ;
Не страшень Москвы самовластной имъ
громъ,
Смутившій великое вѣче.

Пируютъ бояре. Предъ ними пѣвецъ,
Хранитель преданій былого,
Поеть про Садка, какъ ходилъ удалецъ
На синее море, гдѣ свѣта конецъ,
Какъ тѣшилъ царя водяного.

Но грустно поникнувъ сѣдой головой
На пиршествѣ Марвы Борецкой,—
Въ молитвахъ заступникъ страны ихъ родной
На кроткихъ очахъ съ безотрадной слезой
Отшельникъ сидитъ соловецкой.

— Не мѣсто тебѣ на пиру удаломъ
Въ часъ поздній глухой полуночи:
Здѣсь искрятся кубки заморскимъ виномъ,

И ярче, чѣмъ звѣзды—зажглися огнемъ
Красавицъ грѣховныя очи.—

„Нѣтъ,—молвить онъ,—вижу я, други мои,
Кровавыя волны Шелони,
Настануть для родины горькіе дни:
Разбитыя, Новгородъ, рати твои—
Растопчуть московскіе кони.

Грядущее грустно встаетъ предо мной,
Какъ утро изъ мглы и тумана;
Вамъ жребій кровавый назначенъ судьбой
И пытка, и плаха... Топоръ роковой
Ужъ точятъ вамъ гнѣвъ Іоанна“.

Сіяетъ огнями посадницы домъ,
Но смолкли веселыя рѣчи;
Не тронуты кубки съ заморскимъ виномъ,
И шепчутъ смущенные гости кругомъ:
—Прости, новгородское вѣче!

На родинѣ.

Я приближался вновь къ полямъ моимъ роднымъ,
Я бросилъ поводъ, мой конь прибавилъ шагъ...

Вонъ—церковь бѣлая съ крестомъ своимъ свя-
тымъ,

Вотъ—бѣдное село ютится по оврагу.

Внизу синѣетъ прудъ. Надъ гладью сонныхъ
водъ

Ветла объятія простерла одиноко,

Склонясь надъ прудомъ, садъ заброшенный цвѣ-
теть

И роща вдаль задумалась глубоко.

Просторъ и тишина. Въ душѣ—опять покой;

Стихаетъ гнѣвный споръ мучительныхъ сомнѣній,

Воспоминанія такъ полны старинной

И дѣтства чистаго забытыхъ вдохновеній,

Что, кажется, сейчасъ я въ рощу убѣгу,

И въ шелестѣ дубовъ причудливую сказку

Услышу снова я, и лягу на лугу,

И встрѣчу вѣтерка задумчивую ласку,

Потомъ—въ старинный домъ, теперь давно пу-
стой,

Войду я радостный и, встрѣченный любовью,

Усну я тихимъ сномъ, и грезы надо мной,

Сплетаясь въ хороводъ, приникнуть къ изго-
ловью...

Возможность счастья я сердцемъ вновь постигъ
И чувства разбудилъ давно въ душѣ нѣмая.
Пусть это—только мигъ: за этотъ свѣтлый мигъ
Спасибо вамъ, поля мои родныя!

* * *

Ребенкомъ помню я себя въ деревнѣ. Старый
домъ

Казался мнѣ дворцомъ прекраснымъ и огромнымъ;
Какъ я любилъ его и садъ, разросшійся кругомъ,
Съ его шатромъ вѣтвей—таинственнымъ и тем-
нымъ!

Бывало, вечеромъ, едва поблекнуть краски дня,
И мѣсяцъ бросить лучъ на дремлющую иву,
Ужъ я спѣшу съ мечтой, еще неясной для меня,
Спѣшу къ знакомому обрыву.

Задумчиво смотрю я въ даль. Синѣющая мгла
Расходится кругомъ волною безконечной,
Порою пѣснь доносится изъ ближняго села,
И кажется она счастливой и безпечной.
Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ. И для
борьбы

Покинулъ рано я приютъ поры счастливой,
И, въ дѣтской гордости, грозы безжалостной
судьбы

Я ждалъ съ улыбкою кичливой.

Недолго ждать ее пришлось. Съ сомнѣньемъ и
тоской

Она пришла ко мнѣ,—я не считалъ удары:
Какъ милый прахъ, я провожалъ безсильною
слезой

И дружбы, и любви обманчивыя чары.

Вернулся я къ роднымъ полямъ, какъ старый
инвалидъ.

Вотъ ива, прудъ блеститъ померкнувшею сталью;
Все та же пѣснь доносится съ деревни, но звучить
Она безвыходной печалью.

Н я н ъ.

Люблю я вечеромъ, измученный тоской,
Въ твой уголокъ зайти, голубка дорогая,
И въ смыслъ рѣчей твоихъ, печальный и простой,
Какъ въ дѣтствѣ проникать, отъ горя отдыхая.
Невозмутимая, святая тишина

Какъ вѣрный стражъ хранить покой уединенный
И на тебя глядитъ такъ кротко съ полотна
Прекрасный ликъ Христа, лампадой озаренный.
Обычный свой чулокъ ты вяжешь какъ всегда,
И въ старческихъ рукахъ мелькають быстро
спицы,

А на челѣ бѣгутъ и таютъ безъ слѣда
Воспоминаній вереницы.

О чемъ они? Какъ знать! О прошлыхъ ли го-
дахъ,

Когда въ тебѣ ключомъ кипѣлъ избытокъ силы,
Иль о друзьяхъ, чей дорогой, чей милый прахъ
Безмолвно стерегутъ угрюмыя могилы.

Да, много, много ихъ! Тѣснѣе съ каждымъ днемъ
Онѣ росли кругомъ, оплаканы тобою;

На жизненномъ пути остались мы вдвоемъ
Другъ другу близкіе, и съ кроткою слезою—

Лишь только я уйду—молиться за меня,

Я знаю, будешь ты, голубка дорогая,

Пока въ окно разсвѣтъ ликующаго дня

Не брызнетъ, золотомъ играя...

* *
* *

Вчера былъ хмурый день, а къ вечеру метель,
Крутясь въ пустыхъ поляхъ, сердитая завывала.
Гудить... Я раньше легъ, укывшись, на постель.
И сказку страшную мнѣ няня говорила:
Какъ съ чародѣемъ въ страшномъ спорѣ
Сошлась толпа богатырей,
Какъ издыхалъ на дальнемъ морѣ,
Дрожа надъ золотомъ, Кощей...
И ночью снились мнѣ съ волшебникомъ сраженья,
Царевны милой плѣнъ, и замокъ надъ горой
Мнѣ въ грезахъ чудился, свидѣтель преступленья...
И сердце мнѣ томилъ зловѣщей тишиной...
Сегодня хмурый день прогнало снова солнце,
Озолотивъ поля смѣющимся лучомъ;
Морозъ причудливо убралъ мое оконце,
Узоры по стеклу разсыпалъ серебромъ.
Развѣялъ ясный день весь ужасъ страшной
сказки,—
Кощея больше нѣтъ и нѣтъ богатырей.
Смѣшно мнѣ, весело... и жду я только ласки...
О, мама милая, прійди ко мнѣ скорѣй!

М о л и т в а.

Тихо въ комнатѣ. Лампада
Озаряетъ мракъ ночной,
И дитя молитву шепчетъ
Предъ иконою святой.

Маму, Боже, ты помилуй,
Няню, папу и меня,
Дай намъ въ счастье въ свѣтломъ встрѣтить
Утро радостнаго дня.

И склоняясь надъ малюткой,
Няня тихо говоритъ:
Не забудь, дитя, что въ мірѣ
Горе горькое царить.

Помолись о тѣхъ, кто крова
Не имѣетъ, кто съ тоской
У своихъ же братьевъ хлѣба
Просить, — горекъ хлѣбъ такой.

И о тѣхъ, кто въ сердцѣ горе
И печаль свою таятъ
Помолись: пусть всѣхъ страдальцевъ
Милосердый Богъ хранить.

Вновь дитя молитву шепчетъ
Предъ иконою святой.
Няня крестится. Лампада
Озаряетъ мракъ ночной.

При огонькѣ.

Въ убогой избѣ, за промерзшимъ стекломъ
Огонь запоздалый мерцаетъ...
Царить непроглядная ночь надъ селомъ.
И снѣжная буря рыдаетъ.
Зачѣмъ же такъ поздно горить огонекъ?
Коротокъ ли день для работы,
Иль тотъ, кто несчастенъ, кто сирь, одинокъ
И въ ночь не избудетъ заботы?
Но нѣтъ, тамъ за книгой сидитъ мальчуганъ,
Задумался... Снова читаетъ,
Не слышитъ, какъ бьется надъ степью буранъ,
Не видитъ, какъ ночь пролетаетъ.
Встаютъ передъ нимъ, какъ въ туманной дали
Прекрасныя, чуждыя страны,
Тамъ солнце съ любовью горитъ для земли,
Невѣдомы злые бураны;

Тамъ стройныхъ деревьевъ, тамъ чудныхъ цвѣтовъ
Долины прохладныя полны,
И скалы угрюмыхъ, нѣмыхъ береговъ
Ласкаютъ пѣвучія волны.

А завтра, окутанъ холодною мглой,
Чуть блѣдный разсвѣтъ загорится,
Все то, что подсказано пылкой мечтой
Отъ мальчика снова умчится.

И снова забота и тягостный трудъ...
Спасибо же свѣточу знанья,
Съ которымъ и бѣдныя отдыхъ найдутъ,
И, вѣрно, бодрѣ свой крестъ понесутъ,
Исполненный мукъ и страданья.

* *
*

Затишье... Ни звука. Листы не шумятъ,
И лѣсъ, и рѣка молчаливы,
И золотомъ брызжетъ огнистый закатъ
На даль засыпающей нивы.
Въ блѣднѣющихъ краскахъ желанный покой
Природа печально встрѣчаетъ,
Какъ будто ее этотъ лучъ золотой
Послѣднимъ лобзаньемъ смущаетъ...

Затишье... Покой. Но, вдали отъ людей,
Отъ ихъ суетливаго шума,
Печаль мое сердце сжимаетъ сильнѣй,
Томить неотвязная дума.
Ужели мнѣ жалко обманчивыхъ сновъ,
Несбывшихся грезъ и... страданья,
Какъ этой природѣ—заснувшихъ цвѣтовъ,
Какъ жалко ей солнца лобзанья?

Сумерки.

(М. Н. Альбову.)

Какая тишина! Недвиженъ воздухъ сонный;
Въ безсиліи упалъ вечерній вѣтерокъ,
И гаснетъ медленно, закатомъ озаренный,
Темнѣющихъ небесъ далекій уголокъ.

Я эту тишь люблю, прохладу послѣ зноя,
И сумрачную даль смолкающихъ полей,
И мирный сонъ села въ недолгій часъ покоя,
Который рокотомъ баюкаетъ ручей.

Печальной нищеты неясны очертанья
Подъ властью сумрачной, но мощной красоты

Невнятно говорятъ о тяжести страданья
Убогихъ избъ вдали знакомыя черты.

Какая тишина! Но то, что сердце гложетъ,
Звучить теперь въ душѣ обиднѣй и больнѣй.
Покой царить кругомъ, а сердце спать не мо-
жетъ
Съ печальной думою своей.

Н и щ і й.

Часто вечеромъ нищій больной
Подаянія ждетъ у порога.
Онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ у него
Ничего, кромѣ имени Бога.
Посмотри же, съ какою тоской
За кускомъ поднимаетъ онъ руку,
Посмотри—и въ печальныхъ очахъ
Ты прочтешь неисходную муку.
У другихъ есть и домъ, и семья,—
У него ни угла, ни приюта:
Въ горькой жизни тоскливо бѣжить
Передъ нимъ за минутой минута.
Но, терпѣнъемъ великъ, онъ Творца

Славить даже подъ ношею крестной.
Научись же любить и прощать
У него, въ его долѣ безвѣстной.

Г р о з а.

(Виктору Петровичу Острогорскому.)

Надъ грудью измученной зноемъ земли
Свинцовыя тучи кругомъ залегли;
Примчались онѣ съ береговъ океана —
Сѣдя, холодныя дѣти тумана.
И вздрогнулъ листвою трепещущій лѣсъ
Подъ громомъ разгнѣванныхъ мрачныхъ небесъ.

Цвѣты и кустарникъ прикрывши собой,
Склонились дубы подъ мощной грозой,
И только березка одна молодая
Смѣялася бурѣ, на бой вызывая
Сѣдого тумана холодныхъ дѣтей:
Предъ ними она не преклонитъ вѣтвей.

«Подъ ясное небо цвѣтущей весны
Напрасно примчались вы, гнѣва сыны!
Скажите-жъ скорѣй васъ пославшему морю,

Что я молода и что съ вами поспорю.
Напрасно тѣснитесь вы мрачной толпой,
За счастье братьевъ не страшень мнѣ бой!»

И тучи надвинулись ратью безшумной,
И принять былъ вызовъ березки безумный;
Огнями зажглися стальные ихъ латы
И грянули грома глухіе раскаты.
Какъ въ плѣнь—въ безконечныя дали степей
Угнало листья обнаженныхъ вѣтвей.

Когда же изъ мрачныхъ разорванныхъ тучъ
Пробился ласкающій солнечный лучъ,—
Умчалася дальше гроза роковая...
И только березка одна молодая,
Надломлена бурей, склонилась къ землѣ
Съ печалью нѣмой на кудрявомъ челѣ.

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнетъ убогое селенье,
И церковь бѣдная, съ сіяющимъ крестомъ,
На мирныя поля зоветъ благословенье...

Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной—
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтуція поля ласкаютъ жадный взоръ:
Вотъ старый домъ, и садъ, и милая Тарханы,
И роща вдаль, а тамъ опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы.
Какъ стая птицъ—на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ съ собой въ страну из-
гнанья,
Къ Казбеку вѣчному, снесутъ издалика,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ
Ни клевета друзей, ни зависть не встревожитъ,
Что роємъ свѣтлыхъ грезъ покой твой окруженъ
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

* *
*

Но еслибъ иногда страны своей родной
Ты могъ бы видѣть жизнь,—проснулось бы му-
ченье:
Печально-бъ ты глядѣлъ съ щемящею тоской

На племя жалкое, на „наше поколѣнье“.
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславенъ, какъ и встарь, нашъ скучный путь
земной,
И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглою дерзостью твой слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый
И съ головы вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ.

Умиращій пѣвецъ.

(Дорогой памяти А. Н. Плещева.)

Пѣвецъ умиралъ, истомленный борьбой,
Въ немъ сердце сжималось предсмертной тоской.
Холодная вьюга, прощаясь, надъ нимъ
Рыдала, какъ мать надъ ребенкомъ больнымъ.
Ужъ смерть леденила страдальческій взоръ,
И въ скорби друзей онъ читалъ приговоръ;
И вѣчную ночь—свой желанный покой—
Страдалецъ встрѣчалъ безысходной тоской.

Вдругъ слышитъ онъ пѣсню, несется она,
Любовью и нѣгой, и лаской полна,

И дышитъ свободнѣй усталая грудь
Подъ пѣсню пѣвцу такъ отрадно заснуть.

Онъ самъ эту пѣсню когда-то сложилъ,
Въ нее онъ любовь и мечты перелилъ;

Тѣ звуки къ забытому счастью зовутъ...
Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ!

Покой и прощенье—тому, кто любилъ,
Кто пѣснями людямъ, какъ братьямъ, служилъ.

Пусть вянутъ надъ бѣдной могилой цвѣты,
Но жить будутъ вѣчно любовь и мечты!

О б л а к о.

Средь утра тихаго въ весеннихъ небесахъ
Несется облако куда-то издалека,
И гаснетъ, и горитъ горячій лучъ востока
Въ серебряныхъ краяхъ.

Свободный гость небесъ, завиденъ жребій твой!
Сомнѣній и тоски тебѣ чужда тревога,

Лазурью для тебя окована дорога
Безстрастною судьбой.

Когда-нибудь и я тоску земной мечты
Покину, какъ кошмаръ, какъ цѣпи роковыя
И такъ же, можетъ-быть, въ тѣ выси голубыя
Умчуся, какъ и ты.

Но все-жъ мнѣ будетъ жаль, безумно жаль тогда
Родной земли моей ошибокъ и страданій
И горькихъ слезъ ея—среди святыхъ желаній
И тяжкаго труда.

Народной учительницѣ.

Шумнаго города блескъ обаятельный,
Звуки веселыхъ рѣчей—
Не уживаются съ Музой моей
Скромной, немного мечтательной.

Вотъ и теперь: моя мысль далеко,
Тамъ, гдѣ стоитъ твоя школа убогая.
Что-жъ ты задумалась такъ глубоко.
Правды великой поборница строгая?

Что твою душу печалью томить?
Вьюга поетъ надъ полями безбрежными...
Развѣ, что жадная память хранить,
Не примирилось съ метелями снѣжными?
Завтра вбѣгутъ они шумной гурьбой,
Какъ хороши ихъ привѣты несмѣлые...
И замелькаютъ опять предъ тобой
Головы темныя, русыя, бѣлыя.
О, научи же ихъ въ жизни хранить
Дѣтскую правду съ ихъ думами ясными,
Чтобъ и они могли такъ же любить,
Чтобы какъ ты—они были прекрасными!

* *
*

Богатство!.. Знаете-ль, его я не хочу.
Не то, чтобъ презиралъ я суетныя блага,
Не то — чтобъ нищета пришлась мнѣ по плечу,
Какъ цинику его суровая отвага;
А просто потому, что все же я богатъ,
Землевладѣлецъ даже, если вы хотите,
Но только роскошью расписанныхъ палатъ,
Пировъ торжественныхъ вы отъ меня не ждите.

Есть уголокъ земли, и онъ безспорно мой.
Стоять надъ нимъ, какъ стражи, липы вѣковыя
И шепчуть въ полуснѣ таинственной листвою,
И отгоняють прочь страданія земныя.
Когда же мѣсяца холодный, блѣдный лучъ
Освѣтитъ рядъ могилъ, какъ факель погребаль-
ный,
Онъ пробудятся, и ропоть ихъ могучъ,
И мѣсяцу въ отвѣтъ звучить ихъ гимнъ печаль-
ный.
Не правда-ль—онъ хорошъ, мой уголокъ земли?
Онъ мой, и принесетъ мнѣ дань свою—забвенье;
Тамъ сердцу близкіе давно уже легли
И липы шепчуть имъ про вѣчность и... про-
щенье.

Когда зимой въ степи безбрежной
Усталый путникъ занесенъ
И слышитъ въ пѣснѣ вьюги снѣжной
Печальный отзвукъ похоронъ,—
Какъ онъ обрадованъ бываетъ,
Когда во мракѣ передъ нимъ

Огонь привѣтливый мелькаетъ.
Сомнѣнья прочь! Судьбой хранимъ,
Давно измученный, усталый,
Участьемъ дружескимъ согрѣтъ—
Найдетъ тамъ путникъ запоздалый
Тепло, и ласку, и привѣтъ.

Такъ я, измученный тоскою,
Къ тебѣ—и сирѣ, и одинокъ—
Пришелъ на милый огонекъ,
Зажженный дружеской рукою.

Христось воскресь! Скворцы поютъ
И, пробудясь, ликують степи,
Въ снѣгахъ, журча, ручьи бѣгутъ
И съ звонкимъ смѣхомъ быстро рвутъ
Зимою скованныя цѣпи.
Еще задумчивъ темный лѣсъ,
Не вѣря счастью пробужденья.
Проснись! Пой пѣсню воскресенья—
Христось воскресь!

Христось воскресь! Въ любви лучахъ
Исчезнетъ скорби мрачный холодъ,
Пусть радость царствуетъ въ сердцахъ
И тѣхъ—кто старъ, и тѣхъ—кто молодъ.
Завѣтомъ благодѣльныхъ небесъ
Звучить намъ пѣсня воскресенья,
Люби, и счастья, и прощенья —
Христось воскресь!

Отрывки изъ дневника.

I.

Заснула дѣвочка. И я сажусь писать.
Зачѣмъ и для кого? Мнѣ все равно—не знаю,
Но молча тяжело и думать, и страдать,
Я боль душевныхъ ранъ бумагѣ повѣряю.
Сегодня дочь меня спросила про отца...
Мы разошлись съ нимъ, моя спокойна совѣсть
Честнѣе разойтись. Прочла я до конца
Обмановъ мелочныхъ мучительную повѣсть
И не виню его; но жалокъ онъ мнѣ былъ
Съ своимъ смущеніемъ, съ своей притворной му-
кой,

Когда, рыдая, мнѣ законами грозилъ
И съ дочерью моей фатальною разлукой.
Но это кончилось и, къ счастью, навсегда,
И я живу одна, одна съ своей малюткой;
Мы съ нимъ встрѣчаемся, онъ хмурится тогда
И говорить со мной съ какой-то плоской шуткой.
Я не люблю его. Меня тоска томить—
Холодный, мрачный слѣдъ обманутыхъ мечтаній,
И жаль мнѣ дочь мою: мнѣ сердце говоритъ,
Что путь нашъ—путь нужды, терпѣнья и стра-
даній.

Что ждетъ ее потомъ? Отсутствіе семьи,
Насмѣшки, можетъ быть, да бѣдность роковая.
И если матери не станетъ, то любви
Не будетъ для тебя, малютка дорогая!

II.

Когда мнѣ грустно такъ, чтобъ думы заглушить
И разогнать кошмаръ, гнетущій лучъ сознанья,—
Безъ цѣли я люблю по городу бродить
До утомленія. Причудливыя зданья
Надъ берегомъ рѣки тѣснятся предо мной,
И глухо бьетъ волна въ граниты вѣковые,

Огни уходятъ вдаль, и лентой огневой
Отражены въ водѣ ихъ искры золотыя.
Тогда мнѣ кажутся и жалкимъ, и смѣшнымъ
Обиды мелкія, обманы и страданья,
Какъ вымыселъ пустой, и я смѣюсь надъ нимъ,
Ничтожнымъ ужасомъ романа безъ названья.
Вчера я вечеромъ зашла въ старинный храмъ;
Я съ дѣтства своего такъ сладко не молилась,
И волю я дала непрошеннымъ слезамъ,
И хоть на краткій мигъ съ собою примирилась.
Мнѣ вспомнился другой, старинный храмъ въ селѣ,
И гнѣзда голубей снаружи, на карнизѣ...
Священникъ старенькій, въ потертой, ветхой ризѣ
Молился небесамъ; на старческомъ челѣ
Надежда мирная въ торжественномъ покоѣ,
Какъ свѣточъ радостный, сіяла предо мной,—
Ребенкомъ я была; умчался сонъ святой,
Какъ радость, какъ любовь, какъ дѣтство золотое.

III.

Подруга пишетъ мнѣ. Разстались мы давно
Средь горькихъ слезъ и клятвъ, наивныхъ обѣ-
щаній,—

И вотъ ея письмо,—какъ далеко оно
Отъ институтскихъ обожаній!
Зоветь меня къ себѣ и пишетъ, что нашла
Она покой и миръ въ далекой деревушкѣ,
Что лѣчитъ мужиковъ, что школу завела,
Что вечеромъ читаетъ матери-старушкѣ.
Довольна, счастлива, и хвалитъ свой просторъ,
Родныхъ степей и нивъ отрадную свободу...
Какъ свѣтской пустотѣ здѣсь горекъ приговоръ,
Какъ искренно звучитъ—служеніе народу!
Зачѣмъ же медлю я, зачѣмъ же не бѣгу
Туда, гдѣ такъ нужны живыя наши силы?
Но совѣсти своей солгать я не могу:
Пугаетъ степь меня безмолвіемъ могилы.
Живу я, какъ и всѣ. Мнѣ нуженъ шумъ люд-
ской,
Ихъ суетной толпы немолчное движеніе,
Слѣды ихъ чувствъ и думъ подъ маской ледяной,
А тамъ... тамъ тишина и самоотверженіе.

IV.

Сегодня вечеромъ мы встрѣтились съ нимъ
И словно не было трехмѣсячной разлуки,

Онъ все, по-прежнему, немного нелюдимъ,
Но разговоръ остеръ и такъ далекъ отъ скуки,
Что съ нимъ болтала я почти что цѣлый часъ,
Но вспомнила, что мужъ меня къ нему ревнуетъ,
И отошла. Онъ смолкъ, съ меня не сводитъ глазъ,
И всѣ замѣтили, что встрѣча насъ волнуетъ,
Люблю ли я его? Скорѣе—не люблю,
И мужъ мой былъ неправъ въ безумныхъ оскорб-
леньяхъ,
Но встрѣчу съ нимъ всегда я съ жадностью
ловлю,—
Онъ такъ уменъ, такъ простъ, изященъ въ вы-
раженьяхъ...

V.

Два дня она въ бреду, два дня она больна,
И таютъ словно воскъ младенческія силы.
Миѣ докторъ говорить: поправится она,
Какая-то борьба, какія-то бациллы...
Но строгость странная въ безжизненныхъ чер-
тахъ...
Сегодня, бѣдная, все куклу наряжала;
И кутала ее, и грѣла на рукахъ,

И ласки дѣтскія такъ нѣжно ей шептала.
„Она поправится!“ Не вѣрю я ему,
Онъ ошибается, покорный жрецъ науки:
Есть воля высшая, предѣлы есть уму,—
Ему ли разгадать младенческія муки?
За что онѣ, за что? Всю ночь я не спала
И только предъ зарей тревожнымъ сномъ забы-
лась,

Но греза страшная мнѣ сердце обвила,
И холодъ ледяной сковаль меня. Мнѣ свилось,
Что сердце у меня живое изъ груди,
Живое вырвали... и я смѣюсь при этомъ...
Мнѣ кто-то говоритъ: „Вотъ кукла, погляди“;
И въ гробикъ маленькій, обтянутый глазетомъ,
Не куклу,—дочь мою, съ цвѣтами въ волосахъ,
Кладутъ и съ хохотомъ парчею накрываютъ,
А жизнь все теплится въ нѣмыхъ ея чертахъ,
И блѣдныя черты внезапно оживаютъ.

Ужели я больна?

VI.

Холодная весна

Какъ будто сжалилась надъ мрачною столицей,
Къ гранитнымъ берегамъ ласкается волна,

И тучи къ западу умчались вереницей.
Не только что писать, но думать даже лѣнь;
Недавняя строка мнѣ будто незнакома.
Хорошъ на сѣверѣ весенній теплый день,
Но ласкъ неожиданныхъ мнѣ мучительна истома.
Любви, одной любви! Тотъ счастливъ, кто лю-
бимъ,

И счастья, знаю я, иного не бываетъ.
Здорова дочь моя, играетъ часто съ нимъ,
Я съ завистью смотрю, какъ онъ ее ласкаетъ.
Любви, одной любви! Вся жизнь моя теперь
Лишь смутный рой мечты, томительныхъ жела-
ній,
Какъ будто каждый мигъ ко мнѣ стучится въ
дверь.

Неясный призракъ ожиданій

VII.

.....
О, спи, спокойно спи! Безъ шума надъ тобой
Вся въ свѣтломъ сумракѣ несется ночь нѣмая...
Къ твоей кроваткѣ мать склонилась головой,—
Покойной ночи, дорогая!

Когда-нибудь и ты съ мучительной тоской
Увидишь мой дневникъ и скажешь съ сожа-
лѣньемъ:

„Вотъ образъ женщины, любимой въ дѣтствѣ
мною!“ —

И память матери окутаешь презрѣньемъ
За жажду жить, за ложь, которая кругомъ
Меня опутала, весну мою встрѣчая,
За думу горькую о счастиі твоёмъ,
Прости меня тогда, малютка дорогая!..

Изъ Фр. Коппе.

I.

Въ глубокой тишинѣ, за лампой трудовой,
Сажу я и пишу,—любимая работа!
А рядомъ мать-старушка,—взоръ блеститъ слезой,
Но все же обо мнѣ въ немъ свѣтится забота...

О чемъ ты думаешь? О силѣ-ль роковой,
Что бросила меня въ недавнее изгнанье?
Вѣдь горе кончилось, и я опять съ тобой,—
Забудь же прошлое: разлуку и страданья!

Въ каминѣ ты теперь прибавила огня,
И пламя вспыхнуло, и весело играетъ:
Любя, ты холодъ ночи гонишь отъ меня...
О, мама, сынъ тебя благословляетъ!

II.

Въ пять лѣтъ ей часто поручали
Малютку брата, и его
Ручонки дѣтскія ласкали...
Теперь не нужно ничего.

Мгновенья жизни пролетѣли;
Онъ не рожденъ былъ для земли,
И, снявши мѣрку съ колыбели,
Малюткѣ гробикъ принесли.

Она ужъ больше не играетъ
И, хороня мечту свою,
Въ печали дѣтской повторяетъ:
— Я больше куколъ не люблю.

Съ французскаго.

Ты знаешь, я, Творецъ, безсиленъ предъ Тобой, —
Ты видишь, я пою, исполненъ умиленья,

Цвѣты печальные земля моей родной,
Неполной радости бѣгущія мгновенія...

И если скорбь и мракъ царятъ въ душѣ моей,
И если я борюсь съ тоской моей глубокой,
Ты сумракъ разгони лучомъ любви своей
Въ душѣ, уставшей жить и въ мірѣ одинокой.

Такъ вянетъ на землѣ земная красота,
Такъ подо льдомъ трава зимою умираетъ.
Но свой глаголь скорѣй пошли въ мои уста, —
Животворящій—Онъ все въ мірѣ оживляетъ.

Э л е г і я .

(На мотивъ изъ Виктора Гюго.)

Сегодня въ облакахъ погаснулъ лучъ заката;
Придетъ гроза и ночь, но смѣнитъ снова день
Разсвѣтомъ радостнымъ трепещущую тѣнь:
Холодной вѣчности невѣдома утрата.

И эти дни пройдутъ. Пройдутъ они толпою
Надъ бездною морей, и надъ горой сѣдой,
Угрюмо дремлющей подъ шапкой снѣговой,
Надъ рощей тихою, надъ нивой золотой.

Да, эти дни пройдутъ. Но вѣчной красотою
Все будетъ міръ блистать, и съ новою весной
Ручей заговоритъ серебряной волною
И роща зашумитъ ожившею листвою.

А я... я скоро удалюсь, въ разгарѣ пира,
Все ниже съ каждымъ днемъ склоняясь головой,
И вѣчной красоты ликующаго міра
Уходъ мой не смутитъ печальною слезой.

Предразсвѣтная пѣснь.

(Изъ Провансальскихъ мотивовъ.)

Тебѣ—въ упоеніи нѣжномъ,
Мой другъ, посылаю привѣтъ;
Мнѣ жаль, что на небѣ безбрежномъ
Заблещетъ разсвѣтъ!

Полна эта ночь тихой лѣни,
И чаръ, и томленья любви...
Склонюсь я къ тебѣ на колѣни,—
Пусть жгутъ поцѣлуи твои!

О, еслибъ волшебною силой
Я могъ эту ночь удержать,

Чтобъ вѣчно склоняться надъ милой
И кудри ея цѣловать.

Прости. Въ упоеніи нѣжномъ,
Прими мой прощальный привѣтъ.
Миѣ жаль, что на небѣ безбрежномъ
Сіяетъ разсвѣтъ!

У водъ Вавилонскихъ.

(Изъ Байрона.)

У водъ Вавилонскихъ въ тоскѣ и слезахъ
Тебя мы, Солимъ, вспоминали,—
Тебя, чьи твердыни повержены въ прахъ,
Добычею вражеской стали.
И съ грустной мечтой объ отчизнѣ своей
Сливались стоны твоихъ дочерей.

Съ тоской мы слѣдили, какъ плещутъ струи
Свободной рѣки Вавилона.
И врагъ намъ сказалъ: пойте пѣсни свои,
Священные пѣсни Сіона.
Но нѣтъ, никогда эта пѣснь при врагахъ
Не станетъ звучать на чужихъ берегахъ.

На ивѣ отчизны залогъ дорогой
Ты, арфа родная, хранима,
И звукъ твой намъ долженъ быть пѣснью святой,
Свободною пѣснью Солима.
Такъ пусть же отсохнетъ десница моя,
Коль съ крикомъ враговъ пѣснь сольется твоя!

Изъ Виктора Гюго.

Я былъ одинъ, одинъ подъ кровомъ ночи звѣзд-
ной,

На тихомъ берегу, у свѣтлыхъ волнъ морскихъ...
Ни тучки въ небесахъ, ни паруса надъ бездною—
И только ночь плыла въ одеждахъ голубыхъ.

И горы, и лѣса, казалось, вопрошали
Про тайну у волны кочующей морей,
И небу, полному безчисленныхъ огней,
Вопросъ таинственный они передавали.

И волны синія, хребты свои склоняя,
Ихъ вольныя стада, которымъ власти нѣтъ,
На берегъ дремлющій въ волненьи набѣгая,
Покорно имъ несли торжественный отвѣтъ.

И звѣздный хоръ шепталъ, волнамъ холоднымъ
вторая,
И каждая звѣзда склоняла свой вѣнецъ,
И въ тихомъ шепотѣ, и въ звучномъ шумѣ моря
Я слышалъ: «это Ты, Создатель и Творецъ!»

С о н ъ.

(Изъ Гейне—къ Мушкѣ.)

Мнѣ снилось, что въ лунную ночь,
При трепетномъ блескѣ сіянья,
Тѣснилися пышной толпой
Временъ возрожденія зданья.
Изъ груды обломковъ кой-гдѣ
Колонны вздымались главою,
Онѣ, словно громы небесъ,
На бой вызывали съ собою.
Лежали кругомъ на землѣ
Разбитые портики. Лица
Смѣшались на нихъ и людей
Съ звѣрями свела небылица...
И тутъ же стоялъ саркофагъ,
Рукою нетронутый тлѣнья;

Въ немъ тихо мертвецъ почиваль
Съ улыбкой любви и терпѣнья.
Держали съ трудомъ саркофагъ
Фигуры, склонившія шею
Среди безконечныхъ фигуръ,
Собой воплотившихъ идеи.
Собрался здѣсь цѣлый олимпъ
Со всѣми своими богами,
И тутъ же Адамъ, отъ стыда
Прикрывшійся смоквы листьями.
Вотъ Троя пылаетъ. Парисъ
Такъ страстно цѣлуетъ Елену,
Въ борьбѣ за отчизну Юдифъ
Приходитъ Парису на смѣну
Тутъ богъ Аполлонъ и Вулканъ,
Богъ Бахусъ и дама Венера,
Есфирь, Олофернъ и Аманъ,
Пріапъ, Ааронъ и Церера.
И тутъ же (совсѣмъ какъ живой)
Изваянъ осель Валаама,
А дальше—надъ жертвой святой
Господь искусилъ Авраама.
И пляшетъ здѣсь Ирода дочь

Съ главою пророка на блюдѣ,
Безмолвень апостоль съ ключомъ...
Вотъ адъ, гдѣ такъ мучатся люди.
А дальше пошли чередой
Проказы и шашни Зевеса:
Вотъ сыплеть онъ дождь золотой
Данаѣ; а вотъ Геркулеса
Представилъ художникъ: герой
Склонялся надъ женской работой,
А нимфы съ Діаной толпой
Спѣшать на потѣху охотой.
И тутъ же виднѣлся Синай,
Израиль стоитъ у подножья
И спорить съ раввиномъ дитя
О томъ, что есть истина Божья!
Какіе контрасты слились,
И какъ здѣсь различна идея:
Здѣсь есть легкомысленный мнѣ
И строгая мысль Іудея!
А плющъ все контрасты людей
Въ объятіяхъ братскихъ сжимаетъ.
И снится мнѣ,—самъ я мертвецъ,
Что въ этомъ гробу поживаетъ.

Стоитъ въ изголовьи цвѣтокъ
Загадочно чудный и новый,
Въ немъ ярко смѣшались цвѣта,
Цвѣтъ желтый и блѣдно-лиловый.
Народъ тотъ чудесный цвѣтокъ
Цвѣткомъ называетъ страданья;
Онъ выросъ изъ крови Того,
Кто вынесъ за мѣръ истязанья!
Онъ выросъ уликою лжи
Съ которой надъ Правымъ глумились,
И бичъ, и веревка, и крестъ
Въ томъ чудномъ цвѣткѣ отразились.
Склонился цвѣтокъ надо мной
И, въ трепетномъ сумракѣ ночи,
Какъ женщина, въ страстной тоскѣ,
Чело мнѣ цѣлуетъ и очи.
И въ грезахъ волшебнаго сна
Свершилась мечта золотая;
Я въ желтомъ цвѣткѣ томъ узналъ
Твой образъ, моя дорогая!
Была для меня ты цвѣткомъ,
Въ которомъ вмѣстились страданья,
Но выдали сразу тебя

И слезы твои, и лобзанья!
Не спрашивай ты никогда,
О чемъ говорили мы съ нею,
Спроси лучше звонкій ручей,
Что шепчетъ волною своею;
Спрося вѣтерокъ заревой,
О чемъ онъ, тоскуя, вздыхаетъ;
Спроси драгоценный алмазь,
Зачѣмъ онъ такъ ярко сіяетъ;
Спроси у фіалокъ ночныхъ
Зачѣмъ лепестки распустили,—
Не спрашивай только, о чемъ
Цвѣтокъ съ мертвецомъ говорили!
О смерть, только ты намъ даешь
Отраду въ могильномъ покоѣ,
А жизнь намъ какъ призракъ сулитъ
Свое наслажденье больное.
Недолго въ прекрасномъ гробу
Я радостнымъ сномъ наслаждался:
Жестокій, озлобленный споръ
Съ нѣмыхъ барельефовъ раздался.
Мой нѣжный, мой бѣдный цвѣтокъ
Испуганъ былъ дерзкимъ ихъ крикомъ...

А камни такъ важно вели
Свой споръ въ озлобленіи дикомъ.
И въ нихъ поселилась вражда,
И ихъ раздѣляетъ идея;
На крики лѣснаго божка
Проклятья гремятъ Моисея
О, споръ этотъ старъ! Никогда
Не кончится онъ: съ красотою
То истина спорить, — онѣ
Отъ вѣка враги межъ собою.
Отъ вѣка онѣ и людей
Смертельной враждой раздѣлили,
И варварскій лагерь давно
И эллинскій вмѣ учредили,
И спорять онѣ безъ конца
Въ своемъ озлобленіи дикомъ.
Но всѣ голоса ихъ покрылъ
Осель Валаамовъ, и крикомъ
Онъ въ ужасъ повергнулъ меня:
Я въ страхѣ въ гробу содрогнулся,
И самъ закричалъ — и отъ грезъ
Въ тоскѣ безысходной очнулся.

В е н е р ы.

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Я посѣтилъ пріютъ искусства—
Роскошный Лувръ. Передо мной
Чаруя взоръ, лаская чувства,
Сіяла гордой наготой
Толпа Венеръ. Едва казался
Дворецъ царей достойнымъ ихъ—
И я красою любовался
Ихъ формъ—холодныхъ и нагихъ.
Я уходилъ. Передо мною
Печальный образъ нищеты
Мелькнулъ съ тревожною мольбою,
Но съ той же властью красоты.
Лохмотья жалкія одежды,
Печать страданья на челѣ
И взоръ, молящій безъ надежды
О лучшей долѣ на землѣ;
Недавнихъ дней живыя муки,
Блескъ потухающихъ очей,
Иглой исколотыя руки—
Вотъ что я видѣлъ. Прочь скорбей,

Дитя несчастья и страданья,
Торгуй на улицахъ собой!
Мы приютили изваянья,
Но мы не тронемся мольбой.
Для красоты не жаль намъ траты,
Но вотъ суровый нашъ отвѣтъ;
Для женщинъ мраморныхъ палаты—
А для живыхъ—приюта нѣтъ!

С о н е т ъ .

(Изъ Альфреда Мюссэ.)

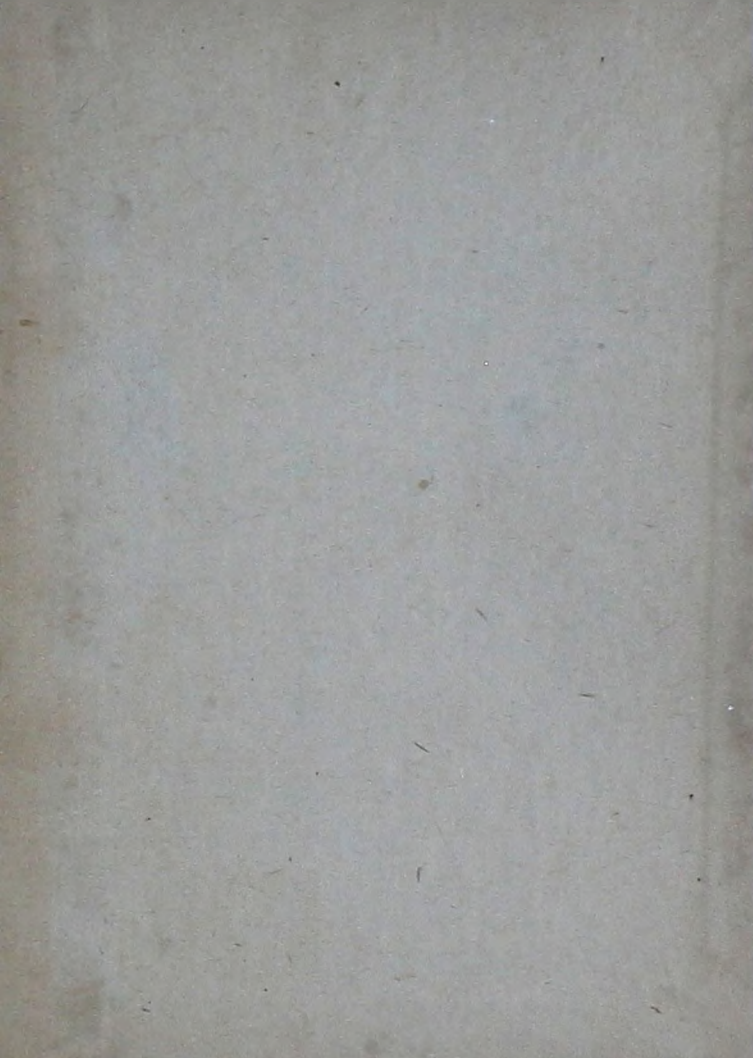
Дитя, еслибъ даже былыя страданья
Опять въ моемъ сердцѣ проснуться могли,
И съ прежней тоскою и силой желанья,
Какъ осени поздней цвѣты, расцвѣли,
И еслибъ—невинна, чиста и прекрасна—
Меня ты, мой другъ, захотѣла плѣнить,—
Разбитое сердце не билось бы страстно,
Тебя я не могъ и не смѣлъ бы любить.
Но знаю я, другъ мой, обычной чредою
Придетъ и къ тебѣ мигъ волшебной любви,—
Онъ счастьемъ освѣтитъ все грѣзы твои,

Ничтожнымъ весь мiръ будешь звать ты съ то-
скою...

Тогда я, какъ братъ, свое сердце отдамъ
Мечтамъ твоимъ свѣтлымъ и... горькимъ сле-
замъ.

Я ихъ не зналъ, мгновений свѣтлыхъ счастья.
Съ болѣзненно-отзывчивой душой
Я росъ одинъ, безъ ласки и участя,
И пѣсенъ мать не пѣла надо мной.
Кругомъ лились страдальческія слезы,
Царилъ порокъ и рано отравилъ
Волшебныхъ сновъ младенческія грёзы,
Но я, какъ кладъ, въ душѣ ихъ сохранилъ.
Я пѣлъ любя. На трудный путь вступаю,
Я слышалъ эхо смолкнувшей борьбы—
И для тебя, страна моя родная,
Молилъ я въ пѣсняхъ счастья у судьбы.
Прости меня: я въ твой вѣнокъ побѣдный,
Исполненный великой красоты,
Принесъ мой стихъ, тоскующій и блѣдный—
Грозой измятые цвѣты.

1p

1р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
В. М. Лаврова.

Москва,

Большая Никитская, д. 24.

Цѣна **25** коп.

Подписчики „Русской Мысли“ пользуются
уступкой 10%.